

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.150.112>

АРХИТЕКТОНИКА ТЕКСТА ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ «КАМЕШКИ НА ЛАДОНИ» В.А. СОЛОУХИНА

Научная статья

Рыбакова Т.В.^{1,*}

¹Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (tanyarubakova[at]mail.ru)

Аннотация

Введение: В статье исследуется архитектура текста лирико-философской миниатюры как единое целое, взаимосвязь основных составляющих его частей и элементов (на примере прозы «Камешки на ладони» В.А. Солоухина).

Цель: рассмотреть архитектуру текста лирико-философской прозы на уровне произведения В.А. Солоухина «Камешки на ладони».

Материалами для исследования послужила лирико-философская проза В.А. Солоухина «Камешки на ладони».

Использовался метод структурно-семантического анализа, ориентированный на определение основных компонентов текста лирико-философских миниатюр и позволивший определить логику текста и его архитектуру.

Результаты исследования, обсуждения: на основе проведенного исследования был сделан вывод о том, что архитектура представляет собой построение лирико-философской прозы, которое объединяет в себе соотношение частей произведения, расположение и взаимную связь его компонентов, образующих вместе художественное единство. На материале произведения В.А. Солоухина подтверждается мысль о том, что ряд специфических признаков, характеризующих текст лирико-философской прозы, обуславливает своеобразие архитектурной «выстроенности» миниатюр.

Ключевые слова: В.А. Солоухин, пространственно-темпоральные категории, архитектура, лирико-философская проза.

ARCHITECTONICS OF THE LYRICAL AND PHILOSOPHICAL PROSE TEXT "PEBBLES ON THE PALM" BY V.A. SOLOUKHIN

Research article

Rybakova T.V.^{1,*}

¹Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

* Corresponding author (tanyarubakova[at]mail.ru)

Abstract

Introduction: The article studies the architectonics of the lyrical-philosophical miniature text as a whole, the interrelation of its main constituent parts and elements (on the example of the prose "Pebbles on the Palm" by V.A. Soloukhin).

Objective: to study the architectonics of a lyrical and philosophical prose text at the level of V.A. Soloukhin's "Pebbles on the Palm".

The materials for the study were V.A. Soloukhin's lyrical and philosophical prose "Pebbles on the Palm".

The method of structural-semantic analysis was used, oriented on determining the main components of the text of lyrical-philosophical miniatures, and made it possible to determine the logic of the text and its architectonics.

Results of the study, discussion: on the basis of the conducted research it was concluded that architectonics is a construction of lyrical and philosophical prose, which combines the correlation of parts of the work, arrangement and mutual connection of its components, forming together an artistic unity. On the material of V.A. Soloukhin's work, the idea is confirmed that a number of specific features characterizing the text of lyrical and philosophical prose determine the uniqueness of the architectonic "alignment" of the miniatures.

Keywords: V.A. Soloukhin, spatial-temporal categories, architectonics, lyrical and philosophical prose.

Введение

В теории языка актуальна проблематика архитектуры текста. Существуют различные определения понятия «архитектура», но впервые данный термин употребляет М.М. Бахтин [2], а в последующем изучается В.В. Федоровым [11], Н.Д. Тамарченко [10] и др. исследователями. В отечественной общелингвистической справочной литературе термины «архитектура» либо толкуется неоднозначно, либо отсутствует. Так, его нет ни в одном из четырёх версий «Лингвистического энциклопедического словаря» (1990, 1998, 2000, 2002), словаре В.Д. Старичонка (2008), «Кратком словаре лингвистических терминов» (1995) Н.В. Васильевой, В.А. Виноградова, А.М. Шахнаровича, «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» (1998), а также отсутствуют в обоих томах «Энциклопедического словаря-справочника лингвистических терминов и понятий. Русский язык» А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова, Г.С. Журавлева (2014), в словарях лингвистических терминов О.С. Ахмановой (1966, 1969 / 2004), в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя (1985) и «Полном словаре лингвистических терминов» Т.В. Матвеевой (2010).

В «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило (2010) термин «архитектоника» определяется, как «строение сложного объекта, являющегося предметом рассмотрения» [6, С. 42]. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» А.Н. Николюкина (2001) под архитектуроникой понимается «ценностная структура эстетического объекта, т.е. мира героя, воспринятого читателем» [7, С. 61].

Архитектоника, или внешняя композиция текста, является одним из предметов изучения филологического анализа текста и определяется как «членение текста на определенные части (главы, подглавки, абзацы, строфы и пр.), их последовательность и взаимосвязь» [8, С. 45]. По А.И. Горшкову, архитектуроника – это «внешняя форма строения произведения словесности, расположение его частей: пролог, эпилог, глава, часть, книга, том» [5, С. 141]. А.И. Горшков отмечает, что «архитектоника напоминает объемно-прагматическое членение текста» [5, С. 141]. В объемно-прагматическом членении учитывается объем произведения и особенности восприятия его читателем. Данная теория предполагает разделение текста на том, книгу, часть, главу, главку, отбивку (отмечается пропуском нескольких слов), абзац.

И.Р. Гальперин отмечает, что характер членности текста зависит от многих причин, «среди которых не последнюю роль играет размер частей и содержательно-фактуальная информация, а также прагматическая установка создателя текста» [4, С. 50]. «Объемно-прагматическое членение текста перекрещивается с контекстно-вариативным. В нем выделяются следующие формы речевореческих актов:

- 1) речь автора:
 - а) повествование,
 - б) описание природы, внешности персонажей, обстановки, ситуации, места действия и пр.,
 - в) рассуждения автора;
- 2) чужая речь:
 - а) диалог (с вкраплением авторских ремарок),
 - б) цитация;
- 3) несобственно прямая речь» [5, С. 52].

Объемно-прагматическое и контекстно-вариативное членение взаимообусловлено и имплицитно раскрывает содержательно-концептуальную информацию.

Основные результаты

Актуально и научно перспективно рассмотреть произведение «Камешки на ладони» известного советского писателя В.А. Солоухина с точки зрения особенностей архитектуроники текста лирико-философской прозы. В.А. Солоухин упоминает, что его «камешки» – лирико-философские миниатюры – возникали «при чтении книги, в разговоре с друзьями, на писательском собрании, во время одиноких прогулок, в жарком споре...» [9, С. 4] и «Это не просто игра слов, не балансирование на грани с парадоксом, это что-то большее...» [9, С. 238].

В «камешках» отсутствует какое-либо традиционное линейное повествование, текст модифицируется в логически непоследовательное движение линии повествования, внезапные переходы от одних мыслей и воспоминаний к другим, от одних временных или пространственных оборотов к другим, иногда «миниатюры» совершенно не связаны между собой концептуально, содержательно или логически. Таким образом, автор выделяет два аспекта, характерные для лирико-философской прозы: аспект непрерывности и временной аспект. Также отмечается внешняя несоразмерность частей текста «миниатюр». Такие свойства архитектуроники текста «лирико-философской прозы», как несколько хаотичное расположение миниатюр и раскрываемых в них мыслей, эпизодов, отражают феномен человеческой памяти (автора).

Миниатюры В.А. Солоухина отделены друг от друга графическим знаком «***». Текст миниатюры может представлять собой одно или несколько предложений, разделенное на абзацы (как правило, чаще всего 3 абзаца). Архитектоника каждой миниатюры состоит из следующих частей:

- 1) посыл (зачин);
- 2) «согласие» или «опровержение» посылы (зачина);
- 3) вывод.

Рассмотрим подробнее каждую из составляющих архитектуронику часть «камешка».

1. Задача **посыла (зачина)** заключается во введении к основной теме с помощью следующих *глагольных форм*:

- *безличных*: «**Существует** много попыток определять поэзию» [9, С. 126]; «**Известно**, что икону иногда вставляли в киот, то есть в футляр за стеклом» [9, С. 343]; «**Как говорится**, в старые добрые времена, в XIX веке русская поэзия тяготела к поэтической формуле» [9, С. 343] и другие 26 единиц, приведенных в картотеке примеров;

- *неопределенно-личных*: «**Говорят** об упадке гуманитарных интересов среди сегодняшней молодежи и о преобладании интересов к технике» [9, С. 32]; «**Привозят** нас, делегацию московских писателей, в гости в какой-нибудь район (совхоз, колхоз)» [9, С. 378] и другие 28 единиц, приведенных в картотеке примеров;

- *личных с местоимениями «я» или «мы»*: «**Смотрю** на цветок жасмина» [9, С. 53]; «**Читал** рукопись молодого прозаика: несколько рассказов и две повести» [9, С. 281]; «**Согласимся** с той частью человечества, которая утверждает, что Иисуса Христа, как реальной личности, не существовало...» [9, С. 421] и другие 12 единиц, приведенных в картотеке примеров;

- *личного местоимения «я»*: «**Я бы никогда не спрашивал про стихи...**» [9, С. 143];

- *двусоставных предложений*: «**Мы с сестрой стали вспоминать...**» [9, С. 194]; «**Поэт Г. рассказал...**» [9, С. 433] и другие 5 единиц, приведенных в картотеке примеров;

- *номинативных предложений*: «**Двадцатый век**» [9, С. 114]; «**Сонет. Венок сонетов. Заданность формы**» [9, С. 146]; «**Каверзность русского языка**» [9, С. 443]; «**По телевидению передача**» [9, С. 443] и другие 4 единицы, приведенные в картотеке примеров;

- имен существительных, обозначающих профессию, например, «Философы, искусствоведы, социологи и политики спорят о ...» [9, С. 98], «Абстракционисты ратуют за пятно» [9, С. 263], «Группа советских писателей...» [9, С. 330] и другие 44 единицы примеров;

- местоимения «один, одна, одно», так, «В **одном** романе Жюль Верна люди решили ...» [9, С. 22], «**Один** из парадоксов нашей действительности: гаванские сигары...» [9, С. 157], «**Одно** из самых распространенных выражений ...» [9, С. 423] и другие 24 единицы примеров.

В тексте лирико-философских миниатюр В.А. Солоухиним используются переплетения различных темпоральных значений, создающих образ многомерного пространства, выраженные обстоятельственными наречиями времени, «актуализирующие разные свойства сюжетного времени» [1, С. 202]:

- «временную фиксированность»: «В **двадцатом** веке...» [9, С. 49]; «В самом начале **девятнадцатого** столетия...» [9, С. 179]; «В **середине** века...» [9, С. 313]; «Каждые годы, ну там **тридцатые, шестидесятые** и т.д.» [9, С. 316] и др.;

- «диалектику времени, движение от прошлого к настоящему и будущему»: «**Издавна** я знаю прекрасное стихотворение Марины Цветаевой о прохожем...» [9, С. 300]; «**Недавно** мне приснился сон...» [9, С. 340]; «**Когда-то** я написал «камешек» ...» [9, С. 418] и другие более 40 единиц примеров.

- «его длительность», «**Во время юбилея** одного хорошего писателя собрались у него дома...» [9, С. 348] и др.

В лирико-философских миниатюрах В.А. Солоухина модели пространства представлены следующими типами:

- «близкое к реальному географическое пространство»: «**Во Вьетнаме** я был в гостях...» [9, С. 44]; «В **Индии**, рассказывают, был такой случай...» [9, С. 203]; «**Приехав в какую-нибудь страну**...» [9, С. 312];

- «точечное, внутренне ограниченное пространство»: «**Бывает, что сидишь с друзьями в ресторане**...» [9, С. 81]; «В **Париже** я однажды сидел в парикмахерской, меня стригли» [9, С. 349];

- «космическое пространство, которое является далеким для человека пространством, наполненным свободными и независимыми от человека телами»: «**Мыслью можно ширять по земным просторам, по дальним странам, по морям и океанам, по прошлому и по будущему, по звездам**...» [9, С. 219]; «**Меня спросили: вот если бы улететь условно с Земли на другую планету (или хоть на условный необитаемый остров), какую бы музыку отобрал и взял с собой**» [9, С. 216] и другие более 30 единиц примеров. Как отмечает Л.Г. Бабенко, «выделенные типы пространств не отрицают друг друга и чаще всего в целостном художественном тексте взаимодействуют, взаимопроникают, дополняют друг друга» [1, С. 177]. Следует отметить, что модель пространства значима в моделировании языковой личности автора, т.к. по Ю.М. Лотману, «это индивидуальная модель мира определенного автора, выражение его пространственных представлений» [1, С. 170].

В.А. Солоухиним также используются пространственно-темпоральные категории, обусловленные формированием читателем целостного представления о художественной картине мира автора, о концептуальных координатах, лежащих в основе авторского понимания мира и человека. Приведем примеры: «**Однажды в далекой и жаркой юго-восточной стране**...» [9, С. 52]; «**Однажды в ФРГ**...» [9, С. 322] и др.

Отметим, что описываемое в тексте время и пространство отличается неоднородностью, а такая организация текста призвана передать особенности течения биографического времени, выразить авторскую эмотивность. Приведенные фрагменты текстов «камешек» обладают дискретностью и образуют определенные временные и пространственные блоки за счет: хронологических помет (например, «Комсомольская правда» от 19 декабря 1970 года» [9, С. 172] и пр.); слов, с неопределенным временным значением (несколько лет спустя, тогда, в то же время и др.); обозначения места действия (Сухуми, Солотча, Вьетнам, Индия, Ургенч, берег Байкала и др.).

2. «Согласие» или «опровержение» посыла (зачина) выступают в качестве противопоставления, оппозиции посыла (зачина).

Анализ картотеки примеров показал, что автором наиболее часто выражается «несогласие» к введению миниатюры. У В.А. Солоухина способами выражения оппозиции служат:

- антитеза, например, «У человека в жизни может быть два основных поведения: он либо **катится**, либо **карабкается**» [9, С. 199]; «Вероятно, то же самое можно сказать, сопоставляя **зло** и **добро**» [9, С. 368] и др.;

- антонимия, эксплицирующая индивидуально-авторскую интенцию в связке с другими словами: «Почему у одних поэтов популярность **вспыхивает**, а потом **меркнет, вскипает**, а потом **опадает**, а вон к тому ровное устойчивое отношение?» [9, С. 257] и др.;

- противопоставление с помощью союза «но» в значении «однако» («Она чудовищно талантлива. **Однако**, когда почитываешь все ее стихи, ощущаешь себя в комнате (в зале), увешанной драгоценными произведениями искусства, со вкусом обставленной, одним словом, в прекрасной комнате, но ... без окон» [9, С. 285] и другие 32 примера в картотеке) и «если» («**Если** журавли не летят клином в синем небе и не курлычут, то какие это журавли? Не надо мне таких журавлей!» [9, С. 323] и другие 16 примеров в картотеке);

- сравнение с помощью предлога «подобно»: «Рождение замысла **подобно** процессу кристаллизации» [9, С. 63] и др.;

- сравнение с помощью союза «как» («Зачем всякое явление в природе мы сравниваем с предметами человеческого обихода: роса – **как** бриллианты, ландыш – **серебристый**, закат – **золотой**? Я бы сравнивал наоборот: бриллианты – **как** роса, серебро – **похожее** на лунный блеск, золото – **словно** закатное море или небо» [9, С. 57] и другие 36 примеров в картотеке) в значении: «словно» (9 примеров в картотеке), «как если бы ...» («Можно приобрести огромное количество знаний, которые никогда не понадобятся. **Как если бы** нахватать бумажных денег, обращающихся на Марсе» [9, С. 106] и другие 9 примеров в картотеке), «как бы» («Я той книгой **как бы** выжг перед собой на годы вперед жизненное пространство, свою литературную дорогу, и вот иду по самим же собою выжженной земле» [9, С. 446] и другие 20 примеров в картотеке), «ибо» («Очень часто притом «тихие» стихи оказываются более громкими, **ибо** важно еще и что говорится» [9, С. 176] и другие 15 примеров в картотеке), «(как

будто (бы)» («Отпочковываясь от разговора, в голове рождаются **как будто бы** интересные мысли» [9, С. 81] и другие 10 примеров в картотеке);

- сравнение с помощью союза «а (но)» («**Может быть, потому, что вся энергия тратится не на скольжение взглядом по новым, незнакомым местам, а на внутреннюю работу**» [9, С. 117] и другие 168 примеров в картотеке) в значении: «а между тем» («**А между тем** степень единственности найденного слова есть единственная мера таланта» [9, С. 72] и другие 9 примеров в картотеке), «но вот (ведь)» («**Но ведь что-нибудь обязательно останется непечатаемым и, значит, не прочитанным людьми**» [9, С. 134] и другие 33 примера в картотеке), «но (и) вот (же)» («**Чеснок убивает все возможные бактерии. Но все же есть одна бактерия – чесночница...**» [9, С. 250] и другие 23 примера в картотеке);

- частица «нет» в значении: «не» («**Блок не рождает такого соблазна**» [9, С. 136] и другие 19 примеров в картотеке), «нежели» (1 пример в картотеке: «**Нам, конечно, интереснее увидеть московские типы в таком идеальном освещении, нежели просто галерею портретов, как бы велика она не была**» [9, С. 65]), «нет» («**Но нет, талант не отпугнешь, его можно лишь разозлить**» [9, С. 85] и другие 4 примера в картотеке), «но отнюдь не» (1 пример в картотеке: «**В двадцатых годах это была хорошая, но отнюдь не выдающаяся, не крупнейшая поэтесса**» [9, С. 125]).

3. **Вывод.** В «камешках» вывод, как правило, открытый, в котором читатель должен сам «согласиться» или «опровергнуть» посыл (зачин).

Вывод выражается автором с помощью:

1. Союзы «итак»: («**Итак, моральный облик человека зависит от его воспитания**» [9, С. 56] и другие 9 примеров в картотеке).

2. Открытого вывода, содержащего:

- *вопросительные предложения*: риторический вопрос («**Отчего душа человека по профессии «поэт» должна быть менее типична, менее характерна для эпохи, чем души людей иной специальности: доярки, бетонщика, сталевара, ученого?»**» [9, С. 86] и другие 45 примеров в картотеке), риторическое восклицание («**Но какая целесообразность сделала из обезьяньей морды прекрасное, божественное лицо?!**» [9, С. 74] и другие 9 примеров в картотеке);

- *восклицательные предложения* («**А ведь в своих положительных, идеальных героев автор вкладывает наибольшую часть самого себя!**» [9, С. 253] и другие 20 примеров в картотеке). Расчлененность вопросительной структуры создается за счет прерывания синтагматической цепочки путем увеличения длительности пауз между компонентами предложений, фиксируемых вопросительными знаками вместо запятых. О подобном членении синтаксической структуры упоминает Н.С. Валгина, отмечая, что в результате подобного дробления «общий облик современного синтаксического оформления текста резко меняется: фразы-высказывания становятся более динамичными, актуализированными» [3, С. 186];

- *многоотчие*, например, «**У женщины только три возраста: девочка, женщина и старуха. И когда она женщина, количество лет не имеет значения: восемнадцать, двадцать, восемь, тридцать восемь...**» [9, С. 326] и другие 125 примеров в картотеке).

3. *Сформулированного личного мнения*: «**Откровенно говоря, я сомневаюсь в том ...**» [9, С. 46], «**Это подтверждается тем, что...**» [9, С. 66], «**Вот яркий пример**» [9, С. 192], «**Я ничего не говорю, но все-таки...**» [9, С. 375], «**Как-то не хочется портить эту тираду излишними комментариями**» [9, С. 427].

4. *Метафоры*. В картотеке примеров приведено более 30 метафор, приведем лишь некоторые из них: «**Голую мысль можно упаковать в логическую, математическую или химическую формулу и в этой прочной упаковке хранить и разослать всем, и все прочтут, и мысль станет всеобщим достоянием**» [9, С. 107]; «**В армии нас учили спускаться с горы на лыжах. Первые уроки опытный и, я бы сказал, мудрый инструктор посвятил тому, что учил нас правильно падать ... В жизни нас этому никто не учит. А жаль**» [9, С. 156]; «**В большой поэзии (в стихотворении), как в матрешке, должна мысль выходить из мысли. Только это должна быть матрешка наоборот. Каждая последующая мысль должна быть не меньше...**» [9, С. 184] и др.

Архитектоника текста «лирико-философских миниатюр» определена выделением диалогов из общего потока повествования. Отмечается ряд диалогов в картотеке примеров, но приведем лишь один: «**В шведском городе Гетеборге я был гостем профессора Гунара Якобссона. Мы ходили в ресторан обедать. Однажды я высказал робкое пожелание пойти в рыбный ресторан. Профессор сказал:**

— *Вчера был шторм. Рыбаки не ходили в море, так что сегодня не будет свежей рыбы.*

— *Но позавчерашняя, третьего дня...*

— *Что вы! Кто же ест рыбу третьего дня?»* [9, С. 287].

Причиной выделения диалогической речи из текста служит смещение точки видения из сферы автора в сферу персонажа.

Заключение

Таким образом, В.А. Солоухин отвергает традиционно заданную связность описания жизненного пути – ей противопоставляется прерывистость и фрагментарность текста миниатюр, включающего воспоминания и размышления В.А. Солоухина. Характерными чертами текста «лирико-философской прозы» является ярко выраженная субъективность, интуитивизм, ассоциативность и эмоциональность. Такая организация повествования обусловила разнообразие архитектоники текста миниатюр, которую можно характеризовать, с одной стороны, как законченную мысль; с другой (в отдельных случаях) – через несколько подобных отрезков эта мысль имеет свое продолжение. Художественные пространственно-темпоральные значения в тексте лирико-философской прозы обратимы (автор вспоминает события прошлого), многомерны (действие разворачивается в разных временных плоскостях) и нелинейны (миниатюры дополняются рассуждениями, комментариями).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Огнева Е.А., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.150.112.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Ogneva E.A., Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.150.112.1>

Список литературы / References

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основные теории, принципы и аспекты анализа : Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. — Москва : Академический Проспект, 2004. — 464 с.
2. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Худож. лит., 1975. — 502 с.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. — Москва : Логос, 2001. — 303 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. — Москва : Наука, 1981. — 139 с.
5. Горшков А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности / А.И. Горшков. — Москва : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2008. — 544 с.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп / Т.В. Жеребило. — Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. — Москва : НПК «Интелвак», 2001. — 1600 стб.
8. Николина Н.А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. — Москва : Академия, 2003. — 256 с.
9. Солоухин В.А. Камешки на ладони / В.А. Солоухин. — Москва : Современник, 1988. — 446 с.
10. Тмарченко Н.Д. Архитектоника / Н.Д. Тмарченко // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — Москва : НПК «Интелвак», 2003. — 512 с.
11. Федоров В.В. Оправдание филологии: Памяти В.В. Кожина / В.В. Федоров. — Донецк : Норд-Пресс, 2005. — 92 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Babenco L.G. Filologicheskij analiz teksta. Osnovnye teorii, principy i aspekty analiza [Philological Analysis of the Text. Main Theories, Principles, and Aspects of Analysis] : Textbook for Universities / L.G. Babenco. — Moscow : Akademicheskij Prospekt, 2004. — 464 p. [in Russian]
2. Bakhtin M.M. Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom hudozhestvennom tvorchestve [The Problem of Content, Material, and Form in Verbal Art] / M.M. Bakhtin // Voprosy literatury i jestetiki [Questions of Literature and Aesthetics]. — Moscow : Khudozhestvennaya Literatura, 1975. — 502 p. [in Russian]
3. Valgina N.S. Aktivnyye processy v sovremennom russkom jazyke [Active Processes in Modern Russian Language] / N.S. Valgina. — Moscow : Logos, 2001. — 303 p. [in Russian]
4. Galperin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [The Text as an Object of Linguistic Research] / I.R. Galperin. — Moscow : Nauka, 1981. — 139 p. [in Russian]
5. Gorshkov A.I. Russkaja stilistika i stilisticheskij analiz proizvedenij slovesnosti [Russian Stylistics and Stylistic Analysis of Literary Works] / A.I. Gorshkov. — Moscow : A.M. Gorky Institute of Literature Publishing, 2008. — 544 p. [in Russian]
6. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th revised and expanded edition / T.V. Zherebilo. — Nazran : Pilgrim LLC, 2010. — 486 p. [in Russian]
7. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts] / ed. by A.N. Nikoljukin. — Moscow : NPK "Intelvak," 2001. — 1600 cols. [in Russian]
8. Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta [Philological Analysis of the Text] : A Study Guide for Students of Higher Pedagogical Institutions / N.A. Nikolina. — Moscow : Akademiya, 2003. — 256 p. [in Russian]
9. Soloukhin V.A. Kameshki na ladoni [Pebbles on the Palm] / V.A. Soloukhin. — Moscow : Sovremennik, 1988. — 446 p. [in Russian]
10. Tamarchenko N.D. Arhitektonika [Architectonics] / N.D. Tamarchenko // Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. — Moscow : NPK "Intelvak," 2003. — 512 p. [in Russian]
11. Fedorov V.V. Opravdanie filologii: Pamjati V.V. Kozhinova [Justification of Philology: In Memory of V.V. Kozhinov] / V.V. Fedorov. — Donetsk : Nord-Press, 2005. — 92 p. [in Russian]